

БОЕВОЙ ПУТЬ ОТ КАВКАЗА ДО БЕРЛИНА ДЕРЕВЯНКО ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА

«Особый отдел»

События происходили в районе села Попельня, что в 15 километрах от Житомира. Нас осталось два взвода по одиннадцать человек и два командира боевых орудий. Стояли холодные зимние дни. Пронизывающий ветер продувал со всех сторон. Шли боевые действия, немец отступал. Неожиданно для нас началась стрельба трассирующими пулями со стороны тыла. Никто не мог понять, что происходит. Тут же было принято решение отправить в разведку двух солдат. Остальные, чтобы не выдавать своего присутствия, залегли в окопах. Спустя некоторое время не далеко от нашего расположения мы увидели вражеский танк, который уверенно двигался в нашем направлении, а отправленных разведчиков и след простыл. Волнение среди солдат возрастало. Полагаться было не на кого. Командирами взводов были восемнадцатилетние мальчишки, не обученные бою, и ни к чему не приспособленные. Было принято решение выдвигаться в глубину тыла, где должны были находиться расположения старшины и командира нашей батареи. Зашли в село, стоят полуразрушенные хибарки, накренившиеся от бессилия на бок, брошенные военные машины и не одной живой души. Едва заметив нахмурившегося с недоверчивым лицом старика, мы поспешили к нему с расспросами. Он сидел на лестнице, подперев сморщенный подбородок палкой. Вглядываясь из подлобья в наши замученные временем лица, старожил отвечал неохотно. Выяснилось, что никакого старшины, а тем более командира батареи подавно уж нет. В какую-то минуту мы поняли, что остались в одиночестве, а враг хочет взять нас в кольцо. Силы противника превышали в разы, нужно было спасать жизни всего личного состава. Вернувшись к своим окопам, мы обнаружили, как немецкий «Тигр» грузно давя молодые деревца и мерзлые глыбы земли, растворился в неизвестном направлении. Сняв замки с пушек, и засыпав их в окопах землей, мы стали прорываться из окружения. В километре от нас начинался густой лес. Благополучно добравшись до дома лесника, единственно уцелевшего в деревне Петухова, расположенной за лесом, мы обнаружили в нем запасы еды. Утолив голод, и немного передохнув, мы продолжили движения через всю деревню. Шли плотным строем, дыша друг другу в затылок. Не создавая лишнего шума, мы вышли на дорогу из скола и гравия, которая соединяла, близлежащие населенные пункты. На обочине лежала обстрелянная, словно решето, перевернутая «полуторка». Вокруг нее по разные стороны были разбросаны серый хлеб, консервы и тушенка. Мы решили не терять время, пополнив продовольственные запасы, и продолжили путь. Шли всю ночь, любой шорох и крики птиц заставляли нас прижиматься к земле, затаив дыхание. На следующий день, а было около десяти часов утра, мы заметили, как по проселочной дороге в нашу сторону ровным строем и на подводах шли солдаты. С ними был наш старшина, начальник штаба и командир

дивизиона. Как выяснилось позже, у них была задача найти нас и всем вместе постараться без потерь выйти из окружения. От командира дивизиона мы узнали, что наш комбат, дезертировав с места службы, распространял слухи о том, якобы, что на его глазах вражеский танк уничтожил наши боевые расчеты, и никого в живых не осталось.

Первый привал было решено сделать в ближайшем населенном пункте. Впервые за последние две недели у нас была возможность скупаться, поесть и привести себя в порядок. Однако дальше все складывалось не так гладко. В первый же день, почему-то меня первого, вызвали в особый отдел. Встретили меня два офицера – это был высокий худощавый майор и грузный, чем-то озабоченный полковник. По ходу разговора я старался не выдавать внутреннего волнения, потому что каждый солдат в то время прекрасно понимал, чем заканчиваются такие «посиделки». Допрос моих сослуживцев, который проводился с особым пристрастием, длился всю ночь – разоблачали дезертира, командира нашей батареи, который оставил своих солдат в опасности. Спустя неделю военный суд вынес ему приговор высшую меру наказания – расстрел.

«Красная ракета»

Стояло жаркое лето 1944 года. Наша 328 Померанская стрелковая дивизия 70 истребительного противотанкового дивизиона, расположилась вблизи села Яблоно-Легиново, что на границе Польши с Германией. Разведка доложила о том, что неподалеку фашисты, заняв стратегическую высоту, сосредоточили на ней большое количество личного состава пехоты немецкой армии и часть укрепленного тяжелого вооружения. Одновременно с этим из командного пункта поступил приказ о взятии этой высоты, которая до сих пор была не доступна. Нам была обещана поддержка авиации с воздуха, и тяжелой артиллерии – пушек и танков с тыла. Началась тщательная артподготовка. Ставка шла на минометы и пушки «сорокопятки», которые должны были сделать свое дело. Операция началась в три утра. Все находились в ожидании «красной ракеты» на небе, чтоб начать стремительное наступление. Первой пошла в бой тяжелая дальнобойная артиллерия, накрывая шквальным огнем стратегическую высоту. Но основной бой приняла на себя рота минометчиков, и истребительные противотанковые орудия. От раскатов канонады земля под ногами дрожала. Не смотря на это, каждые десять – пятнадцать минут пехота стремительно продвигались с переднего края в глубь высоты. Стрелки перешли в контрнаступление. Накрывая своими телами немецкие окопы, и имея на вооружении лишь стрелковые ружья, в жестоком рукопашном бою солдаты повергли фашистов в панику. Наше наступление оказалось настолько внезапным и ошеломляющим, что застигнутый врасплох враг сдавался в плен без сопротивления или бежал так, что мы с криками «Ура!» за ним не попевали. Многие так и не успев покинуть заградительные сооружения, остались навсегда лежать в холодной земле. Из 370 человек живыми и невредимыми осталось порядка 17.

«Огневой вал»

В конце 1944 года наши воинские части стояли около месяца в обороне – это были широко раскинувшиеся степи в трех километрах от Варшавы. Старший на батарее прибыл с докладом от командира дивизиона и начальника штаба. Поступил приказ, что дивизия должна была поддерживать наступающие батальоны пехоты «огнем и колесами» в боях за Варшаву. Перед рассветом, около трех часов утра, в ожидании сражения, весь личный состав нашей дивизии стоял в полной боевой готовности. Корректировщики из взвода управления, с переднего края обороны, четко руководили прицельностью огня. Стреляли из всех имеющихся орудий. Это были пушки сто двадцатки, танки и минометы, знаменитые катюши, которые наносили разрушающие удары снарядами с термитной начинкой. Масса кипящего металла и раскаленных шлаков стирало с лица земли все живое. Огневой вал стремительно продвигался вперед, открывая пехоте новые, более безопасные пути для нападения. Это позволяло наносить более точные удары по врагу. В этот день гитлеровцы проявляли особую бдительность, непрерывно вели заградительный огонь, освещали ракетами подступы к своим укреплениям. Шли ожесточенные бои, они оказывали неимоверное сопротивление, ни кто не хотел уступать. Стрельба доносилась из каждого дома. Только с помощью гранат и минометов удавалось уничтожить вражеских снайперов, от чьих рук гибли молодые и неопытные солдаты. На улицах и под завалами разрушенных до основания зданий лежали трупы погибших. В сырых и холодных подвалах, без воды и еды свою жизнь спасали мирные жители. Три дня понадобилось нашей дивизии, что бы взять город Варшаву под свой контроль.

**Геннадий ДАВЫДОВ,
УТТиСТ**